

оригинальная статья

Роль культурно-исторических особенностей и духовно-нравственных ценностей в современном конституционализме

Бабури́н Серге́й Николаевич

Институт государства и права Российской академии наук, Россия, Москва

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Scopus Author ID: 57224856284

1357343@mail.ru

Поступила 25.05.2023. Принята после рецензирования 23.06.2023. Принята в печать 23.06.2023.

Аннотация: Рассматривается важность расширения официального перечня традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в число первоочередных традиционных духовно-нравственных ценностей предлагается включить веру, святые, свободу, спасение души, покаяние. Раскрывается роль ценностей любви и свободы в православной культурно-исторической традиционной культуре, ключевая характеристика которых – существование в гармоничном единстве. Приводятся примеры конституционной опоры на традиционные ценности в Исламской Республике Иран и Республике Куба. Аргументируется тезис, что закрепление в конституциях тех или иных ценностей и их конституирование является прямым способом реформирования объективной реальности. Поскольку речь идет о закреплении в конституциях духовных приоритетов, то и сам способ реформирования общественных отношений следует полагать нравственным. На примере роли семейных и трудовых ценностей обосновывается влияние традиции на конституционное развитие России. Укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей является ныне активной фазой борьбы за сохранение в человеке его духовной сущности. Наличие души есть главная характеристика человека, поэтому исповедуемые Западом киборгизация человеческого общества и упор на искусственный интеллект в противовес человеческому сознанию выступают цивилизационной угрозой миру. Утверждается необходимость в ходе конституционного развития России и ее партнеров по евразийской интеграции решения таких стратегических политико-правовых задач, как синхронизация конституционной реформы; закрепление в национальных конституциях норм интеграционного конституционализма; перевод народного хозяйства на мобилизационный тип развития.

Ключевые слова: конституция, нравственное государство, культурно-исторические особенности, традиция, духовно-нравственные ценности, любовь, свобода, интеграционный конституционализм, национальное самосознание

Цитирование: Бабури́н С. Н. Роль культурно-исторических особенностей и духовно-нравственных ценностей в современном конституционализме. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 3. С. 324–331. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-324-331>

full article

Historic Cultural Features and Spiritual and Moral Values in Modern Constitutionalism

Sergey N. Baburin

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Scopus Author ID: 57224856284

1357343@mail.ru

Received 25 May 2023. Accepted after peer review 23 Jun 2023. Accepted for publication 23 Jun 2023.

Abstract: The author believes that the core traditional Russian spiritual and moral values should include faith, relics, freedom, salvation of the soul, and repentance. Love and freedom are the key values of the Orthodox cultural and historic culture. Traditional values are a harmonious unity. In countries like Iran and Cuba, traditional values have a constitutional support. Constitutional legalization allows traditional values to reform the objective reality. Since traditional values enshrine spiritual priorities in the constitution, the way they reform social relations should

be considered moral. Family and labor values are an excellent example of the influence of tradition on the constitutional development in Russia. Constitutionalizing traditional spiritual and moral values is an active phase in the struggle for human spiritual essence, i.e., human soul. The author sees the current cyborgization of human society and the artificial intelligence professed by the West as a threat to human consciousness and global civilization. Russia and its Eurasian partners should synchronize their constitutional development to resolve a number of important political and legal tasks, e.g., to legalize the norms of integrational constitutionalism in national constitutions, to transfer national economies to the mobilization type of development, etc.

Keywords: constitution, moral state, cultural and historical features, tradition, spiritual and moral values, love, freedom, integration constitutionalism, national identity

Citation: Baburin S. N. Historic Cultural Features and Spiritual and Moral Values in Modern Constitutionalism. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(3): 324–331. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-3-324-331>

Введение

В настоящей статье продолжается рассмотрение вопроса конституционного развития современных государств через призму культурно-исторического и духовно-нравственного факторов. Конституционное развитие современных государств, происходившее последние два века на основе универсализма, все больше начинает учитывать культурно-исторические особенности каждого народа, архетипы его национального самосознания. Такие архетипы – врожденные универсальные предсознательные психические предрасположенности, компоненты коллективного бессознательного – являются средой формирования традиционных ценностей каждого общества.

Именно традиционные духовно-нравственные ценности лежат в основе правосознания, определяют направления и характер государственного развития, а при многих социальных и даже межгосударственных конфликтах приводят к конкуренции культурных идентичностей. Культурная (цивилизационная) идентичность определяется языком, историей, общей духовной настроенностью (ментальными структурами), способом производства, образом жизни, биосоциальными организациями и религией [1, с. 91]. Отсюда следует важная роль нравственной основы любого политического решения. В связи с этим и возрастает необходимость при оценке конституционного развития современных государств выявлять значение культурно-исторического и духовно-нравственного фактора такого развития.

Культурный смысл традиционных духовно-нравственных ценностей

В настоящее время, когда человечество переживает мировоззренческий цивилизационный кризис, особый смысл обретают защита и укрепление культурных основ общества. Защита традиционных российских

духовно-нравственных ценностей, предусмотренная «Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Основы)¹, объявлена стратегическим национальным приоритетом в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Неслучайно либеральному идеологическому концепту противопоставляют в отечественной истории государственного права России ценности совершенно иного порядка: соборность, общинность, симфонию властей [2, с. 464]. Отсюда – роль национальной природы, менталитета, традиций в преемственности, например, моделей правосудия на постсоветском пространстве [3]. В указанных Основах предпринята попытка показать место ценностей в человеческой культуре, дать определение традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Согласно Основам, «традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»².

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022. *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 17.04.2023).

² Там же.

При определенной претензии Основ на законченность перечня традиционных ценностей этот перечень эклектичен и далеко не полон. Справедливо отмечается, что концепция прав человека неизбежно входит и будет входить в конфликт с автохтонными идеологиями, имеющими собственные, обусловленные традицией и религией представления о свободе и достоинстве человека [4, с. 89]. Более того, в русской цивилизационной культурной традиции открывать этот перечень следует понятием любви. Любовь в Русском (восточно-христианском) мире – не просто духовно-нравственная ценность, она является важнейшей социальной ценностью, «совокупностью совершенства»³, наивысшей и величайшей из христианских добродетелей. Как подчеркивает патриарх Московский и всея Руси Кирилл, любовь – «это совершенно удивительный Божий дар, потому что любовь сама по себе способна соединять людей. <...> ...это одновременно и направление человеческой воли, воли к добру»⁴. Без любви невозможны религия (любовь к Богу), общество (любовь к ближнему), государство (любовь к Родине), семья (любовь супружеская и родительская). Любовь всеильна, она способна быть даже превыше закона и справедливости. Нравственное государство призвано иметь в своем основании любовь.

В числе первоочередных традиционных духовно-нравственных ценностей следует указать также веру, святых, свободу, спасение души, покаяние. Традиционные ценности тем и характерны, что существуют в гармоничном единстве.

Современный Запад отождествил свободу с вседозволенностью, что есть извращение свободы, ее фальсификация. Высокий смысл традиционного понимания свободы иной. Западный богослов Т. Шпидлик аргументированно подчеркивает, что в русском понимании любовь предполагает свободу, не разрушающую рациональную логику и мировой порядок, а превосходящую их, т. к. она богочеловечна [5, с. 367–368]. Чешский кардинал, ссылаясь на идеи Ф. М. Достоевского, отметил, что для русских сокровенная суть человека скрывается в свободе. В русском традиционном понимании свобода безгранична: каждое ущемление свободы ощущается как оскорбление достоинства личности. Человеческая же личность не сводится к природе и способна любить до самопожертвования [5, с. 33–34].

Таким образом, свобода богочеловечна и кенотична, созидательна и преобразовательна, а единство свободы и необходимости является органичным только в традиционной духовно-нравственной культуре. Поэтому личность, живущая в системе традиционных духовно-нравственных координат, стремится к достойной жизни ради спасения своей души. Во имя чести и спасения души человек готов жертвовать жизнью. И наконец, святитель Игнатий Брянчанинов напоминал, что «первая заповедь, данная вочеловечившимся Господом человечеству, есть заповедь о покаянии. ...покаяние должно быть и началом благочестивой жизни, и душою ее... Без покаяния невозможно... пребывать в исповедании Искупителя»⁵. Покаяние – это не только деятельное осознание личностью грехов перед Богом, основанное на вере. Это осмысленное принятие человеком своей миссии на земле, духовное понимание цели и смысла своего земного существования.

Из этого представляется непреходящая важность традиционных духовно-нравственных ценностей многонационального русского народа⁶, пусть в Основах некоторые из них и не упомянуты. Аналогичен подход к духовно-нравственной основе социального развития других народов, опирающихся на культурно-историческую традицию: в основе жизни личности лежат долг, бескорыстие, опора на веру, семейные ценности, забота о своем народе [6, с. 198–204]⁷.

Культурно-исторические особенности конституционализма современных государств

Российский конституционализм ныне основывается на понятии любви, что закреплено в Преамбуле Конституции РФ (любовь к Отечеству), ст. 67.1 (ч. 2: сохранение памяти предков, которые передали русскому народу идеалы, веру в Бога; ч. 3: почитание памяти защитников Отечества; ч. 4: воспитание патриотизма и уважения к старшим), ст. 72 (п. ж. 1 ч. 1: защита института семьи, материнства, отцовства, детства; защита брака – союза мужчины и женщины), ст. 75.1 (социальное партнерство, экономическая, политическая, социальная солидарность).

К сожалению, фактор любви пока отсутствует в главах 1 и 2 Конституции РФ, даже детализация прав и свобод человека и гражданина (статьи 17–62) делается отстраненно индивидуалистически, в присутствии

³ Послание Апостола Павла к Колоссянам. Гл. 3. Стих: 14.

⁴ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. О смыслах. М.: МП РПЦ, 2018. С. 196–197.

⁵ Брянчанинов И., святитель. Полное собрание творений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Паломник, 2014. Т. 1. С. 508.

⁶ Бабури С. Н. «Россия, как всегда, – и щит, и меч, и знамя!». Славянские народы в битве цивилизаций. *Русский Вестник*. 11.08.2023. URL: <http://www.rv.ru/content.php3?id=14720>

⁷ Достижения – это пример сопротивления. Информационный блок офиса Великого Лидера Исламской революции его светлости аятоллы Сейида Али Хаменеи. 21.02.2017. URL: <https://www.leader.ir/ru/content/17553/VI-Международная-конференция-по-защите-палестинской-интифады> (дата обращения: 17.04.2023).

западной мировоззренческой парадигме ключе, что, конечно, необходимо менять. «Конституция Российской Федерации 1993 года – это Основной закон отечественного постмодерна, эпохи, в которую обществу навязывается чуждая ему матрица существования» [7, с. 5].

Опора в конституционном развитии современных государств на культурно-исторический и духовно-нравственный факторы не только позволяет государствам сохранить свою цивилизационную идентичность, но и придает социальному развитию стабильную поступательность. В качестве образца можно привести Исламскую Республику Иран, которая построила всю свою политическую систему на религиозной традиции Ислама, дав миру пример уже 45-летнего успешного развития теократического государства [8]. Менее заметен, но, на наш взгляд, не менее потрясающ конституционно-мировоззренческий пример Республики Куба, которая в своем культурно-историческом и духовно-нравственном подходе сумела соединить идеологию марксизма-ленинизма, национально-освободительные принципы Хосе Марти и христианскую религиозную традицию – теологию освобождения. Социалистической Кубе удалось в своем конституционном развитии создать стабильное общество и эффективное государство, чего не получилось у Советского Союза.

Именно поэтому опыт формирования кубинских мировоззренческих основ конституционного развития очень поучителен и важен. Для марксизма экономика является базисом общественной жизни, задающим ключевые параметры развитию надстройки – политической, правовой и собственно социальной подсистем общества. Для кубинского социализма, как верно отмечает современный исследователь А. Л. Сергеев, экономика – лишь строительный материал, помогающий достигнуть целей заявленного ментально-культурного строительства нации. Если марксизму свойственен жесткий антирелигиозный пафос, то кубинский социализм исходит из необходимости стратегического союза коммунистов и христиан, основанного на общей фундаментальной системе ценностей [9, с. 128].

Идее диктатуры пролетариата в кубинском социализме изначально противопоставлена власть трудящихся, при этом структурными элементами понятия *трудящиеся*, наравне с рабочим классом, являются крестьянство, интеллигенция, иные социальные прослойки и группы. Кубинский социалистический проект тяготеет к замене пролетариата как движущей силы в осуществлении революции когнитариатом – творческой революционной интеллигенцией, служащей народу и стремящейся решать поставленные перед ним задачи. В политико-правовой доктрине кубинского социализма революция есть

целенаправленный качественный эволюционизм, процесс, растянутый во времени, сущность которого состоит в многолетнем, глубинном, системном и целенаправленном изменении различных сторон социальной реальности.

Если марксизм исходит из принципов коллективизма, классовой солидарности, то в кубинском социализме одно из краеугольных доктринальных положений – развитие человека. Анализируя этико-правовую основу партизанской и революционной борьбы, среди ее принципов можно увидеть императив революционного гуманизма и великодушия победившей революции, императив бескорыстной международной солидарности, императив опоры на духовное единство нации и категорическое отрицание любого террора (индивидуального террора в частности) как метода политической борьбы. Марксистское учение изначально отнеслось к государству и праву как к продуктам и одновременно инструментам классовой эксплуатации, которые с наступлением коммунизма должны отмереть, уступив место общественному самоуправлению. В кубинском социализме имел и имеет место культ государства и права. Кубинский социализм в отличие от марксистской трактовки, делал упор на общесоциальную, а не классовую сущность государства. Именно в государственном суверенитете, укрепляющем завоевания революции, Ф. Кастро видел средство и способ базовой и стратегической социальной трансформации [9, с. 126–127].

На указанных выше принципах построена Конституция Республики Куба 2019 г. Новые институциональные и мировоззренческие решения не должны противопоставляться культурно-исторической традиции, они успешны, когда на такую традицию опираются, когда они пронизаны традиционными духовно-нравственными ценностями.

Духовно-нравственный фактор конституционного развития

Ключевой культурно-исторической особенностью России было и остается имперское самосознание ее населения, когда русский человек, независимо от того, славянин он, тюрк или кавказец, чувствует свою личную ответственность за благополучие всего огромного пространства, на котором осмысляет жизнь своего многонационального народа. Неслучайно государство воспринимается им как большая семья. Отсюда, как подчеркивал еще митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, «понимание общенародного единства как духовного родства, как величайшей драгоценности, столь характерное для русской истории. Отсюда же – стремление русского человека заменить, где только возможно, бездушные правовые нормы нравственными ценностями, теплом сердечных

человеческих отношений»⁸, приоритет справедливости над законом. Поэтому эффективность деятельности созидającego государства и заключается не в строгой регламентации, а в обеспечении направленности развития общества на основе его собственной правовой активности [10, с. 30].

Русская политическая и правовая традиция, внешне напоминающая патримониализм с его персонификацией верховной власти и восприятием страны и ее населения как собственности правителя, внутренне совершенно противоположна. Даже крепостное право в России сохраняло обязательства крепостников в виде пожизненных выплат престарелым и больным дворовым людям, а первоначальное право свободного выбора крестьянами помещика, у которого работать и жить, ограниченное лишь Юрьевым днем по Судебнику 1497 г. и отмененное Соборным уложением 1649 г., подтверждает патриархальность русского представления о государстве.

Обратимся к анализу аспектов, которые остаются вне зоны внимания, либо лишь подразумеваются, являясь главной задачей законодателя. Мы имеем в виду тот ключевой факт, что закрепление в конституциях тех или иных ценностей, их конституирование, является прямым способом реформирования объективной реальности. Поскольку речь идет о закреплении в конституциях духовных приоритетов, то и сам способ реформирования общественных отношений следует полагать нравственным.

Нет необходимости уходить в глубины философии, исследуя объективную реальность. Даже при религиозном мироощущении человек живет в мире, существующем независимо от него и его сознания, от его позиции и восприятия. При сугубо юридическом анализе конституционализма играет роль особенность архетипов соответствующего народа. Культурно-историческая основа государственного развития просто невозможна без учета духовно-нравственного фактора, определяющего правосознание.

Вполне материальный мир – весь мир вокруг нас – мы реально реформируем публично провозглашаемыми конституционными ценностными принципами. Приведем показательные примеры. В ст. 18 первой советской Конституции РСФСР было провозглашено: «РСФСР признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: «Не трудящийся, да не ест!»⁹. Лозунг, восходящий к новозаветной заповеди Святого апостола Павла «Кто не хочет

трудиться, тот и не ешь»¹⁰, стал ключевым принципом социализма вплоть до Конституции СССР 1977 г., в которой ст. 14 гласила: «Источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека является свободный от эксплуатации труд советских людей. В соответствии с принципом социализма "От каждого – по способностям, каждому – по труду"»¹¹. Главным героем общества стал человек труда, на нем и его интересах строились все социальные отношения.

Повседневную жизнь России изменила Конституция РФ 1993 г., закрепив в ст. 37: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Принудительный труд запрещен»¹². В центре общественных забот оказались закрепленные удовлетворение потребительских интересов индивида, культ его эгоизма. Произошло выхолащивание духовного смысла труда, превращение его в работу как сугубо экономическую цель хозяйствования. Труд в отличие от работы социален. Освобождая человека от труда, его лишают важной части человеческой сущности. Но никакая правовая норма не отменит правоты библейской заповеди.

Лишь после конституционной реформы 2020 г. осуществлялись попытки вернуть в общество социальную роль труда и людей труда, опираясь на закрепленную на высшем правовом уровне норму, что Российская Федерация уважает труд граждан (ст. 75 Конституции РФ), гарантирует защиту человека труда и именно в силу этого рассчитывает на взаимное доверие государства и общества, на социальное партнерство, экономическую, политическую и социальную солидарность (ст. 75.1). В России предпринимается попытка возвращения к пониманию экономики как хозяйства и духовно-нравственной категории [11, с. 162–166].

Приведем другой исключительный значимый для общественных отношений пример. В ст. 38 Конституции РФ конституированы, сделаны конституционно-правовыми важные нравственные принципы человеческой жизни: «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» (ч. 2); «Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях» (ч. 3). Этими нормами государство попыталось в неолиберальной парадигме избавить себя от забот о семье. Но это цивилизационно порочно, это выхолащивает

⁸ Снычев И., митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Самодержавие духа: очерки русского самосознания. 2-е изд. М.: Институт русской цивилизации; Родная страна, 2017. С. 494.

⁹ Конституция (Основной Закон) РСФСР (принята V Всероссийским Съездом Советов от 10.07.1918) (прекратила действие). ИППП Гарант.

¹⁰ 2-е Послание Апостола Павла к Фессалоникийцам. Гл. 3. Стих: 10.

¹¹ Конституция (Основной закон) СССР (принята на внеочередной седьмой сессии ВС СССР девятого созыва 07.10.1977). ИППП Гарант.

¹² Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). ИППП Гарант.

социальную функцию государства. Ситуация поправлена (но не исправлена полностью) в 2020 г. включением в Конституцию РФ нормы о том, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России, что государство создает условия, способствующие всестороннему духовному развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (ч. 4 ст. 67.1). Российское государство по Конституции обеспечивает приоритет семейного воспитания. Ювенальной юстиции не суждено подмять под себя семьи народов России.

Укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей является активной фазой борьбы за сохранение в человеке его духовной сущности. Наличие души есть главная характеристика человека, потому исповедуемые Западом киборгизация человеческого общества и упор на искусственный интеллект в противовес человеческому сознанию выступают цивилизационной угрозой миру. Победа трансгуманистического развития будет концом человечества [12, с. 382–384]. Поэтому так важно конституционно закрепить не только культурно-историческую традицию, но и фундаментальные традиционные духовно-нравственные ценности.

Актуальные задачи конституционного развития современных государств евразийского пространства

Стремительно возрастает роль опоры современных государств на культурно-исторические и духовно-нравственные особенности их конституционного развития. Актуализируется соединение традиции с новейшими социальными и иными технологиями. Если конституционное развитие Европейского союза, например, давно строится на принципе интеграционного конституционализма, когда правовые нормы и институты легализуются в национальных конституциях, то на постсоветском пространстве аналогичный процесс отсутствует, преобладает эгоистическая имитация евразийской интеграции.

Ныне основные задачи конституционного развития России и ее партнеров по евразийской интеграции должны быть обусловлены решением нескольких стратегических политико-правовых задач.

Во-первых, необходима синхронизация конституционных реформ, призванная укрепить во всех государствах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) традиционные духовно-нравственные ценности. В РФ такая реформа началась в 2020 г. и еще не завершилась.

Во-вторых, пришло время закрепить в национальных конституциях нормы интеграционного конституционализма, позволяющие переходить к углублению межгосударственной интеграции на надежной правовой основе (см. [13, с. 78–100, 118–185]).

В-третьих, важна согласованность конституционного обеспечения социально-экономического развития всех участвующих в интеграции государств, особенно при переводе народного хозяйства на мобилизационный тип организации. Россия в целях борьбы с европейским неонацизмом и русофобией, с бездуховным Западом, превратившим холодную войну цивилизаций в прямой военный конфликт, переводит свою экономику на мобилизационную модель развития, отсюда прямо вытекает и необходимость перевода экономики ЕАЭС на принципы корпоративного (внутрисоюзного) протекционизма. Формально экономические меры нуждаются в конституционной опоре.

Важно устранить из текстов конституций нигилистические положения, ведущие к космополитическому отрицанию самой возможности независимой суверенности (ч. 2 ст. 13, ч. 4 ст. 15 Конституции РФ); убрать нормы, закрепляющие неолиберальную парадигму развития (прежде всего исправить ст. 2 и ч. 2 ст. 9 Конституции РФ). Аналогичной должна быть направленность конституционных реформ государств, желающих оставаться в культурном и цивилизационном единстве с Россией.

Конечно, важно изначально определиться с соответствием интеграционных процессов национальным интересам каждого участника процесса. Принуждение народов недопустимо. Но и двусмысленность сотрудничества взаимно вредна. Каждому участнику необходимо решить, желает ли он войти в ЕАЭС как славяно-тюркскую конфедерацию суверенных государств при лидирующей роли России, или готов вместе с Российской Федерацией формировать Российский Союз как единое союзное государство. Если не готов ни к первому, ни ко второму, а хотел бы только таможенных льгот и привилегий, то можно найти взаимоприемлемые формы и такого паразитирования, но не надо называть это интеграцией.

Необходимы ревизия уже существующих конституционных норм государств – членов ЕАЭС, перенастройка конституционализма с наполнением иным нормативным содержанием.

Изменение акцентов в цели социально-экономического развития ведет к изменению экономической и социальной функций государства: с примитивного повышения уровня благосостояния – на обеспечение гармоничного духовного развития человека в его единстве с природой и на улучшение условий его жизни.

Экономическая функция современных государств постсоветского пространства не может не учитывать необходимость российской реинтеграции. На сегодняшний день разноуровневость интеграции переросла в аморфный процесс многостороннего сотрудничества, когда все равняются по хроному верблюду общего каравана. Это отражается

в пестроте конституционного развития государств даже общего культурно-исторического типа.

В заключение отметим назревшую необходимость конституционно закрепить в полномочиях современного российского государства и в конституционных полномочиях других членов ЕАЭС усиление кооперативного начала общественной жизни. Хотя на современном этапе развития государства нет принципиальной разницы по объектам между различными видами собственности¹³, а может быть, и с учетом этого приоритет частной собственности должен конституционно уступить первенство коллективной и равной долевой собственности граждан.

Заключение

В момент обострения глобального цивилизационного кризиса человечества Российской Федерации удалось через конституционную реформу 2020 г. принять меры по обеспечению своей культурной идентичности и защите своих национальных интересов. Благодаря укреплению на конституционном уровне традиционных духовно-нравственных ценностей многонационального народа России решающее значение получили культурно-исторический и духовно-нравственный факторы конституционного развития государства. Для России, взявшей на себя неформальное лидерство среди народов, исповедующих традиционные духовно-нравственные ценности, эта черта конституционализма стала с 2020 г. ключевой.

Дальнейший прогресс человечества на принципах свободы и справедливости прямо соотносится с успешным соединением цивилизационной модели равной долевой собственности граждан, предложенной В. С. Нерсисянцем, когда идея гражданской собственности характеризуется как главный вывод из всего предшествующего социализма [1, с. 334–339;

14, с. 400–425; 15; 16, с. 72], с традиционными духовно-нравственными ценностями соответствующего общества и гармоничными результатами его культурно-исторического развития.

Российскому обществу, прошедшему через двухвековые испытания секуляризмом и нигилизмом, непросто вернуть традиционным ценностям авторитет и доверие. Потребуется значительные и по настойчивости, и по времени совместные усилия государства и гражданского общества. И такие усилия уже стали формироваться.

Потребуется и согласованные шаги по конституционному развитию государств, участвующих в евразийской интеграции, включающие синхронизацию национальных конституционных реформ и возвращение традиционных экономических укладов, основанных на солидарности и коллективизме.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Статья выполнена на основе доклада автора на VI Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Тенденции развития юридической науки на современном этапе» (Кемерово, 12–13 мая 2023 г.).

Acknowledgment: This study was reported at the VI All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Current Trends in the Development of Legal Science", Kemerovo, 12–13 May, 2023.

Литература / References

1. Бабури́н С. Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма. М.: Норма, 2023. 536 с. [Baburin S. N. The moral state: Russian view on the values of constitutionalism. Moscow: Norma, 2023, 536. (In Russ.)]
2. Традиционное государство и право, под ред. А. А. Васильева, Ю. А. Зеленина. М.: Юрлитинформ, 2020. 552 с. [*The traditional state and law*, eds. Vasiliev A. A., Zelenin Yu. A. Moscow: Iurlitinform, 2020, 552. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mdbgur>
3. Гаврилова А. В. Феномен советской модели правосудия и ее преемственности на постсоветском пространстве. *Тенденции развития юридической науки на современном этапе: IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч.* (Кемерово, 18 октября 2019 г.) М.: Проспект, 2020. С. 81–93. [Gavrilova A. V. The phenomenon of the Soviet model of justice and its continuity in the Post-Soviet space. *Trends in the development of legal science at the present stage: Proc. IV All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation*, Kemerovo, 18 Oct 2019. Moscow: Prospekt, 2020, 81–93. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lnhpmz>
4. Осветимская И. И. Права человека vs. традиционные ценности: причины конфликта. *Правовая теология и государственно-конфессиональные отношения в современной России: Всерос. науч.-практ. конф.*

¹³ Собственность. Авакьян С. А. *Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь*. М.: Юстицинформ, 2015. С. 582.

- «Современная Россия и инерция советского атеизма в государственно-конфессиональных отношениях (к 50-летию Поместного Собора 1971 года)»; Всерос. науч. конф. «Правовая теология в контексте междисциплинарных научных исследований: методология, основные проблемы и направления». (Ростов-на-Дону, 19 мая – 20 октября 2021 г.) М.: РГ-Пресс, 2022. С. 88–96. [Osvetimskaya I. I. Human rights vs. traditional values: basis of conflict. *Legal ideology and State-confessional Relations in Modern Russia: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. Modern Russia and the Inertia of Soviet Atheism in State-Confessional Relations: the 50th Anniversary of the 1971 Local Council; All-Russian Sci. Conf. Legal Theology in the Context of Interdisciplinary Scientific Research: Methodology, Main Problems, and Directions, Rostov-on-Don, 19 May – 20 Oct 2021. Moscow: RG-Press, 2022, 88–96. (In Russ.)*] <https://www.elibrary.ru/mvgnnq>
5. Шпидлик Т. Русская идея: иное видение человека. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. 464 с. [Špidlík T. *The Russian Idea: an alternative vision of a human being*. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko, 2006, 464. (In Russ.)]
 6. Баранов А. В. Концепция «Исламского пробуждения» аятоллы Али Хаменеи. *История и историческая память*. 2014. № 9. С. 190–204. [Baranov A. V. The concept of "Islamic awakening" of Ayatollah Ali Khamenei. *Istoriia i istoricheskaia pamiat*, 2014, (9): 190–204. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/saqjjg>
 7. Бабурин С. Н. Действующая Конституция России как основа неразрешимости противоречий современной России. *Человеческий капитал*. 2013. № 11. С. 4–7. [Baburin S. N. Russian Constitution as the basis for the insolubility of contradictions in modern Russia. *Chelovecheskii kapital*, 2013, (11): 4–7. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rtppxf>
 8. Садеги Нешат А. Конституционный строй Исламской Республики Иран. М.: Садра, 2019. 192 с. [Sadeghi Neshat A. *The Constitutional system of the Islamic Republic of Iran*. Moscow: Sadra, 192. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zmmvme>
 9. Сергеев А. Л. Политические принципы кубинской доктрины социализма: к истории появления и развития. *Lex Russica*. Т. 74. № 12. 2021. С. 122–133. [Sergeev A. L. Political principles of the Cuban socialism doctrine: towards the history of emergence and development. *Lex Russica*, 2021, 74(12): 122–133. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.181.12.122-133>
 10. Тонков Е. Е. Государство создающее как вектор развития современной России. М.: Юрлитинформ, 2019. 392 с. [Tonkov E. E. *The state of creation as a vector of development of modern Russia*. Moscow: Iurlitinform, 2019, 392. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vsfcnv>
 11. Компаниец В. В. Нравственные основы экономики, или Осмысление экономики сквозь призму православного мировоззрения. Воронеж: Научная книга, 2021. 576 с. [Kompaniets V. V. *The moral foundations of economics, or Economy from the Orthodox angle*. Voronezh: Nauchnaia kniga, 2021, 576. (In Russ.)]
 12. Багдасарян В. Э. Матрицы общественного сознания. М.: Наше завтра, 2021. 416 с. [Baghdasaryan V. E. *Matrices of public consciousness*. Moscow: Nashe zavtra, 2021, 416. (In Russ.)]
 13. Бабурин С. Н. Интеграционный конституционализм. М.: Норма; ИНФРА-М, 2020. 264 с. [Baburin S. N. *Integration constitutionalism*. Moscow: Norma; INFRA-M, 2020, 264. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/irkrra>
 14. Нерсесянц В. С. Философия права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2017. 848 с. [Nersesyants V. S. *Philosophy of law*. 2nd ed. Moscow: Norma; INFRA-M, 2017, 848. (In Russ.)]
 15. Лапаева В. В. Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В. С. Нерсесянца. *Вопросы философии*. 2018. № 7. С. 44–56. [Lapaeva V. V. Socialism as a regular stage of the world-historical process: from the standpoint of the concept of civilism of V. Nersesyants. *Voprosy filosofii*, 2018, (7): 44–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S004287440000222-9>
 16. Бляхман Б. Я. Гражданское общество: основные критерии формирования и функционирования. Кемерово: Кузбасс, 2005. 552 с. [Blyakhman B. Ya. *Civil society: the main criteria for the formation and functioning*. Kemerovo: Kuzbass, 2005, 552. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qoefdr>